

ОТКРЫТИЕ ОТЦОВСТВА

**КОГДА И КАК
ЛЮДИ ПОНЯЛИ СВЯЗЬ
ЗАЧАТИЯ С СЕКСОМ?**

Павел Соболев

16+

Павел Соболев
Открытие отцовства:
когда и как люди поняли
связь зачатия с сексом?

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64476701
SelfPub; 2022*

Аннотация

Представления об отцовстве (связи между сексом и зачатием) сегодня кажутся нам очевидными. Но нет более ошибочного представления, чем это. И если задуматься, как древний человек мог установить связь между сексом и последующей лишь через несколько месяцев беременностью, картина перестаёт быть такой ясной. Так когда и как было открыто отцовство?

Содержание

Так ли очевидна связь между зачатием и сексом?	6
Язык – первая зацепка	15
Зачем ты, дядя по матери?	18
Спасибо быку?	22
И Бог потесняет Богиню	29
Здравствуй, папа	36
Заключение	43
Литература	47

Павел Соболев

Открытие отцовства: когда и как люди поняли связь зачатия с сексом?

Отцовство – феномен, на удивление обделённый вниманием науки. Да, в последние годы стали чаще изучать психологию отцовства, роль отца в жизни ребёнка и т.д., но странным оказывается факт молчания об отце в антропологии – науке, которая, по выражению Бронислава Малиновского, изучает, *"как мужчины обнимают женщин"* (Мур, 2001, с. 582). А с чего начинается отец, как не с *"обнимания женщины"*? Но нет, антропологи редко направляют свой исследовательский интерес именно на роль отца в той или иной культуре. Обычно изучается роль мужчины как такового, мужчины самого по себе, но не именно в его отцовской функции. Поэтому не удивительно, что без ответа остаётся главный вопрос (и при этом самый интригующий): **когда и как люди открыли отцовство?**

Некоторые антропологи строят гипотезы происхождения человека, уверенно исходя из того, что людям ещё в глубокой древности было известно отцовство, почему мужчины и пытались монополизировать конкретную женщину, чтобы

она не родила ни от кого другого (якобы так и возник моногамный брак). Но нюанс в том, что обезьянам отцовство вообще неизвестно, потому что у них царят неупорядоченные сексуальные отношения (промискуитет) – каждая самка спаривается со множеством самцов, и происходит это регулярно (у некоторых самок доходит до 50 спариваний за день). В таких условиях невозможно не только открыть отцовство конкретного самца, но и отцовство вообще, как феномен. Учёные первой половины XX века были уверены, что все обезьяны, точь-в-точь как люди, образуют пары и вместе растят своё потомство, но основательное изучение обезьян началось лишь в 1960-е, и очень скоро позволило понять, что у обезьян не только нет никакой моногамии (даже у гиббонов), но им и неизвестен феномен отцовства. И человек в этом плане выглядит уникальной обезьяной, знающей, что секс ведёт к зачатию.

В итоге вопрос должен звучать именно так: **когда и как было открыто отцовство?** Именно открыто, потому что представления о связи между сексом и зачатием не являются такими очевидными, как можно по наивности думать. В нашей культуре мы знаем о том, что к беременности женщины причастен мужчина, потому что в определённом возрасте нам об этом просто кто-то рассказывает. Так банально. До этого же мы верим в байки об аисте или капусте.

Так ли очевидна связь между зачатием и сексом?

Дело в том, что искусно поставленные эксперименты показывают, что люди с трудом выявляют причинно-следственную связь между явлениями, если их разделяет всего 10 секунд (нажатие кнопки, а звуковой сигнал раздаётся с большим запозданием). Что же говорить о сексе и последующей беременности, когда первые её признаки проявляются вовсе через 3-4 месяца? Как при этом древний человек мог установить связь между сексом и зачатием? И при этом, не забывая, это был человек, веривший, что удар в священный бубен вызывает дождь, – в общем, у него были крайне своеобразные представления о причинных связях.

Представьте древних мужчину и женщину. Допустим, они занимаются сексом раз в неделю (хотя наверняка было чаще). Допустим, зачатие случается с первого же раза (что в реальности маловероятно). В последующие недели они продолжают заниматься сексом. И лишь примерно через 3-4 месяца становится заметным первое увеличение живота. То есть до этого мужчина и женщина успели заняться сексом примерно 12-16 раз. Но живот стал расти только сейчас. Придёт ли им в голову мысль, что к округлению живота при-

вёл секс?

А теперь представьте, что зачатие случилось не с первого же раза, а, как в реальности, существенно позже. Скажем, только на десятый раз. В итоге от первого секса до круглого живота пройдёт вовсе 22-26 сексуальных актов. А если представить, что секс случался не раз в неделю, а, к примеру, дважды или трижды, тогда число актов до заметной беременности вовсе возрастает до 40-60.

Представьте, раз в неделю вы приходите в какое-нибудь учреждение и сдаёте, скажем отчётность. И вот в 16-е ваше посещение там рушится стена. Подумаете ли вы, что именно сдача отчётности стала причиной разрушения стены?

Кто-то может с лёгкостью предположить, будто открыть феномен отцовства в древности было несложно, так как дети похожи на своих родителей. Но достаточно посмотреть на групповой снимок каких-нибудь бушменов или папуасов, чтобы понять всю сложность определения, кому какой ребёнок может принадлежать. Это в современной западной цивилизации мужчины бывают брюнетами, шатенами, блондинами и рыжими, к тому же имеющими довольно разнообразные черты лица, а в маленьких же обществах охотников-собирателей генетическое разнообразие не было столь богатым, и потому там все мужчины в целом темнокожие, широконосые, полногубые, черноволосые и курчавые.

Усложняет картину то, что у многих охотников-собира-
телей молодёжь начинает жить сексуальной жизнью в доволь-
но раннем возрасте – часто даже в таком, когда девичий ор-
ганизм ещё не достиг половозрелости, даже ещё до наступ-
ления первых месячных (менархе). В таких условиях зачатие
просто невозможно. Среди жителей Соломоновых островов
принята добрачная сексуальная свобода – девушки без про-
блем занимаются сексом с любым понравившимся юношей.
Но при этом, что интересно, *"почти все замужние женщины
уже через год становятся матерями, а потом ежегодно или
через каждые два года рожают детей, хотя до брака всту-
пали в любовные связи и никогда не беременели"* (Гижицкий,
1974). Такая же картина и у африканских пигмеев бамбути,
которые верят, что дети начинают рождаться только в браке.
Разгадка в том, что для вступления в брак требуется дости-
жение определённого возраста.

Сейчас учёным хорошо известно, что возраст достиже-
ния половозрелости существенно снижается в условиях го-
родской цивилизации и сильно замедлен при традиционном
укладе (даже в русской деревне XIX века девушки станови-
лись фертильными примерно на два года позже горожанок
– это могло быть обусловлено разницей в питании, физиче-
ской активности или в других средовых факторах, определя-
ющих уровень стресса). Если в современном городе первые
месячные наступают примерно в 12 лет, то ещё сто лет на-
зад у девочек сибирских деревень это случилось лишь в 16

лет, а в нередких случаях даже в 22 года (Зверев, 1993). Одна из причин раннего полового созревания – недостаток физической активности (Хрисанфова, 2005, с. 144), что и характерно для городских условий, тогда как при традиционном образе жизни (земледельческого или же охотничье-собирательского) уровень физической активности вынужденно оказывается гораздо выше, что также ведёт к тому, что половозрелости девочки достигают лишь к 20 годам (Райан, Жета, с. 222). И вот теперь представим, что как в сибирских деревнях, так и в разных культурах охотников-собирателей молодёжь начинала жить сексуальной жизнью существенно раньше достижения половозрелости. Это могло длиться годы, а зачатия всё не происходило. В этом плане неудивительно, когда в конце XIX века с меланезийским племенем тробрианцев начали работать христианские миссионеры и попытались объяснить им связь между сексом и зачатием, те отказывались верить – ведь секс молодёжь практикует с раннего возраста, а женщины начинают рожать гораздо позже.

Здесь мы подходим к важному моменту: существование народов, где связь между сексом и зачатием не осознаётся. Либо же осознаётся, но несколько своеобразно. Такие народы действительно есть, и тробрианцы лишь одни из них.

Десятилетия спустя, видимо, под влиянием тех же миссионеров, тробрианцы всё же стали прослеживать связь между сексом и беременностью, но понимали её очень своеобразно. Считали, что секс способствует

"запечатыванию" менструальной крови в женской утробе, которая, скапливаясь и больше не выходя наружу, в итоге превращается в ребёнка. При этом тробрианцы всё ещё никак не могли поверить, что для беременности достаточно лишь единичного спаривания – они убеждены, что для качественного "запечатывания" менструальной крови нужно много сексуальных актов (Mosko, 2005).

В одних регионах считается, что души младенцев живут в морской пене, и если женщина съест какое-нибудь морское животное, водившееся там, то маленькая душа переходит в неё (Рафси, 1978); по представлениям других народов, души предков живут в плодах каких-либо растений, и женщина беременеет, съев такое. У многих народов существуют представления, что девушка, достигшая определённого возраста, может зачать под действием солнца (Фрэзер, 2001, с. 304), а потому, когда у неё происходит первая менструация (менархе), её заточают в тесную хижину, где в полной темноте ей придётся сидеть от нескольких дней до нескольких лет (надо отметить, что у этих народов хотя бы уже есть представление, что зачатие возможно только после менархе).

У других племён считается, что женщина содержит в себе плод ребёнка изначально, от рождения, просто в какой-то момент её зрелости он начинает расти, и вот для этого уже требуются совокупления с мужчиной – якобы сперма, попадая в женское лоно, питает ребёнка и позволяет расти даль-

ше. В некоторых племенах женщины, живот которых начал расти, стараются заниматься сексом с разными мужчинами, так как принято считать, что тогда ребёнок, питаясь семенем разных мужчин, возьмёт от каждого лучшие качества. То есть и в этом случае мужчина воспринимается не как причина беременности, а как помощник в уже начавшемся процессе. К тому же, родившись, такой ребёнок становится обладателем сразу нескольких отцов, что даёт ему преимущества. В антропологии это явление называется частичным отцовством или же разделённым (partible paternity, shared paternity) и поначалу только в Южной Америке было известно минимум у 20 культур охотников-собирателей, но позже было обнаружено ещё у 33 (Walker et al., 2010).

"Конечно, не так легко представить себе, чтобы Homo sapiens после 100 000 лет развития мог в начале неолитической революции ещё не догадываться о некоторых биологических законах. Однако даже в XX веке сохранились племена, пребывающие в глубоком невежестве относительно биологической роли мужчины. В племени беллонцев на Соломоновых островах до тех пор, пока в конце 1930-х годов его не просветили христианские миссионеры, считалось, что дети посылаются людям по милости предков, а единственная цель полового сношения – удовольствие. В 1960-х годах люди из племени тулли Ривер-Блэке на севере Квинсленда верили, что женщина становится беременной, если она посидит у костра, на котором она изжарила рыбу, подаренную ей

будущим отцом ребенка. В другом австралийском племени считалось, что женщина может забеременеть, если поест человеческого мяса. Одна женщина из племени австралийских аборигенов, когда ей объяснили подлинный смысл отцовства, в ответ просто презрительно заявила: "Он – ничто!". И даже в тех племенах, где известна биологическая роль отца, люди часто неверно толкуют детали процесса деторождения. В Индии в XX веке один из вождей племени сема скасема сказал гостю из Европы, что "было бы смешно предполагать, что беременность может наступить только от одного случайного совокупления" (Тэннэхилл, 1995, с. 37).

Надо заметить, что даже в нашей современной культуре, где о феномене отцовства, казалось бы, известно всем и каждому, не всё так просто, и можно сказать, что у какой-то части людей сохраняются весьма специфические представления о роли мужчины в зачатии. К примеру, у некоторых по-прежнему очень популярен миф о **телегонии**, согласно которому, самый первый сексуальный партнёр самки (женщины) вносит свой вклад в потомство, которое будет зачато впоследствии уже от других партнёров. Это говорит о том, что представления об отцовстве в действительности куда сложнее, чем можно подумать, и потому очень легко заполняются фантазиями.

Другим косвенным свидетельством неизвестности отцовства в древности служат мифы о непорочном зачатии. Оши-

бочно думать, что этот миф связан только с христианской Девой Марией, – в действительности эта тема распространена по всему миру, даже в первобытных верованиях. Всемирно известный фольклорист Владимир Яковлевич Пропп составил список всех возможных способов зачатия, которыми изобилуют мифы и сказки разных народов, и выделил самые популярные.

1. Зачатие от плодов растений
2. Зачатие от съеденной рыбы
3. Зачатие от выпитой воды

Связь воды с зачатием особенно широка по миру. *"Древние карелы, мордва, эстонцы, черемисы и другие финно-угорские народы знали "Мать-Воду", к которой обращались за помощью женщины, желавшие иметь детей. Бесплодные татарки на коленях молились у пруда"* (Элиаде, 1999, с. 186).

"Не оставляет никакого сомнения", писал Пропп, "в том, что в возможность зачатия без участия мужчин некогда широко верили, а частично верят кое-где и сейчас. Ряд соображений и материалов приводит к заключению, что человек не всегда понимал роль мужчины при зачатии" (2001, с. 65). Можно лишь добавить, что древние не просто верили в возможность зачатия без мужчины, но и мыслили себе его именно таковым изначально.

Поскольку культуры, где неизвестен феномен отцовства (связь между сексом и зачатием) или же причастность муж-

чины определяется очень специфическим образом, имеются на разных континентах, то это говорит о том, что феномен этот был открыт уже после выхода Человека разумного за пределы Африки 100-60 тысяч лет назад. Вопрос лишь, когда и как это могло случиться? Когда и как люди открыли отцовство?

Язык – первая зацепка

В книге "**Миф моногамии, семьи и мужчины**", обращаясь к разным источникам, я делаю предположение, что в действительности причастность мужчины к зачатию по историческим меркам была открыта довольно недавно – не более 10 тысяч лет назад, а вероятно, и ещё позже. Почву таким мыслям даёт лингвистика, откуда следует, что в древних индоевропейских языках слово "отец" указывало на социальное положение, на статус, а не на кровную связь с кем-то. В праиндоевропейском языке слово "ph₂tér" (прообраз будущего "pater"/"father") обозначало лишь "*находящийся при хозяйстве*" (Миланова, 2018). В более позднем латинском языке биологическое отцовство, видимо, хоть и было уже известно, но выражалось терминами "parens" и "genitor", тогда как "отец" ("pater") всё ещё обозначал именно социальный статус – это глава дома, хозяйства ("pater familias"). Это может указывать, что 3,5 тысячи лет назад (время возникновения латыни) причастность мужчины к зачатию уже была известна, но обозначали такого мужчину по-прежнему социально-статусным термином "отец" ("pater"), который ничего не говорил о его отцовстве в современном нам понимании. Только позже, уже в нашу эру, латинское "pater" преобразуется во французское "pere", где заодно происходит коренной

сдвиг значения, и к отец-хозяин добавляется отец-родитель, то есть наконец-то эти значения сливаются.

Данные лингвистики указывают, что многие известные нам сейчас термины родства ("отец", "мать", "дочь", "брат") развились из древних терминов, исходно означавших совсем не биологические (кровнородственные) отношения, а особые половозрастные группы, куда люди попадали после обрядов инициации или обретения требуемых свойств (Кул-ланда, 1998). К примеру, "братья" – это молодые юноши, подтвердившие свои воинские навыки и получившие право взять себе кого-нибудь в жёны. Термином же "отцы" обозначали группу зрелых мужчин, не только достигших брачно-го возраста (как "братья"), но и 1) обязательно уже состоящих в браке и 2) имеющих детей на своём попечении, 3) но не просто детей, а уже достаточно взрослых и прошедших свою первичную инициацию (то есть подростки). Причём дети эти были их социальными детьми, то есть названными, теми, над кем они установили своё покровительство. То есть биологические связи между людьми в те времена не имели особого значения, главным же выступала именно принадлежность к той или иной половозрастной группе, которая и имела своё название. Лишь позже, с развалом той культуры и с открытием отцовства, древние названия тех социальных групп постепенно трансформировались в термины кровного родства. Проще говоря, в древности слова, которыми мы сейчас описываем родство, говорили о сугубо властно-управленческих

отношениях.

Таким образом, "отец" и "родитель" (то есть причастный к рождению) в представлениях людей не совпадали очень долгое время. Изначально, в древности, "отец" – это было о власти, о покровительстве, а не о биологическом отцовстве.

Другой интересный момент, что в праиндоевропейском языке (то есть около 6 тысяч лет назад) для обозначения сына существовал термин "сунус", и был он связан с материнской функцией и по смыслу оказывался близок к "рождённый матерью". И лишь позже (около 4-3,5 тысяч лет назад) в некоторых регионах возникает второе название для сына – "путра", и этот термин уже демонстрировал какую-то связь с отцом и был близок по смыслу с "зачатый отцом". То есть косвенно это может намекать, что к этому времени связь между сексом и зачатием уже была известна людям Евразии.

Зачем ты, дядя по матери?

Другим косвенным свидетельством неизвестности отцовства всего несколько тысячелетий назад может быть феномен **авункулата**. За этим термином кроется социальная норма крепкой связи между дядей по матери и её детьми (лат. avunculus "дядя по матери"): дядя вмешивался в проблемы своих племянников, он разделял добычу с ними, племянники наследовали его имущество, они его слушались и подчинялись. Как замечают антропологи, фактически когда-то брат по матери выполнял все отцовские функции перед её детьми. Очень важен тот факт, что феномен авункулата был распространён фактически по всем континентам, его следы обнаружены даже в средневековой Европе и на Руси всего тысячу лет назад. У некоторых народов он существует и по сей день, и ещё более распространены его остатки (к примеру, на Кавказе).

Фольклор многих народов говорит, как правило, об отношениях между дядей и племянником, но не об отце и сыне. *"Отец не появляется ни в какой другой роли. Он вообще никогда не упоминается и не присутствует ни в одной части мифологического мира"*, писал антрополог Бронислав Малиновский (2011). То есть отец, а точнее, феномен отцовства как таковой, стал известен гораздо позже, – первоначально

у женщины был только брат: он был до мужа и до отца её детей.

Учёные XX века долго бились над загадкой авункулата, но так и не пришли к одному решению. Вместе с тем авункулату есть простейшее объяснение: в древности феномен отцовства не был известен, женщина однажды просто рожала (это выглядело неким естественным порядком), но зато у неё был брат. По причине уже установившегося мужского господства (подробно эту схему я также раскрываю в "**Мифе моногамии, семьи и мужчины**") именно брат становится господином своей сестры, и все рождённые ею дети – это его дети, он ими распоряжается. Даже в XX веке на примере разных племён было описано, что когда женщина в браке рождает, её подростки всё равно возвращаются к дяде, к её брату. Всё дело просто в неизвестности отцовства – хоть муж уже и существует, но его роль в зачатии неясна, а потому господином детей остаётся их дядя.

В пользу отсутствия понимания связи между сексом и зачатием говорит и древняя мифология. *"Первые люди, чьё появление описывается в мифе, – это всегда женщина, иногда в сопровождении брата, иногда – тотемного животного, но никогда – мужа. В некоторых мифах ясно описывается, как забеременела первая прародительница. Она начинает свой род, когда по неосторожности оказывается под дождем, или купается и её кусает рыба, или в пещере на неё падают капли воды со сталактита. Таким образом, она*

"открывается", в её лоно попадает дух ребёнка, и она беременеет" (Малиновский, с. 93).

Такое видение причин беременности в мифе может отражать оригинальность древних представлений о зачатии. Поскольку отцовство в древности было загадкой, дети родившей автоматически получали покровительство её брата. Нельзя не обратить внимание, что при такой схеме отец становится и совершенно не нужен – ему достаточно выступить лишь осеменителем матери и исчезнуть.

Другим косвенным свидетельством довольно недавнего открытия феномена отцовства может служить широко распространённый в самых разных мифологиях мира мотив непорочного зачатия. Учёные прямо пишут, что *"в основе мифологических представлений о зачатии и рождении ребёнка женщиной (девушкой) без участия мужчины, прямо или косвенно связанных с религиозными верованиями, лежало непонимание физиологического механизма зачатия и рождения"* (Токарев, 1987, с. 361).

Если от диковинных племён, разбросанных по островам, вернуться в Евразию, то китайские источники IV в. до н. э. также сообщают, что **в ещё более древние времена "дети знали только своих матерей, но не отцов"**. Но всё же как давно? В насколько "более древние времена"?

В **"Мифе моногамии, семьи и мужчины"** я не углубляюсь в догадки о том, как именно было открыто отцовство, а лишь замечаю: *"Если мы говорим о времени не более 10 ты-*

сяч лет назад, то эта эпоха известна рождением земледелия и скотоводства". И, как оказалось в дальнейшем, в догадке этой было сильное рациональное зерно. Уже после завершения книги посетила мысль, что действительно всё дело могло быть в скотоводстве.

Спасибо быку?

Почему именно скотоводство? Да потому, что одомашнивание и разведение скота было не чем иным, как контролем за размножением животных. Именно контролируя поведение первейшего домашнего скота, человек однажды мог проследить связь, что если к самке не подпускать самца, она никогда и не родит.

Оказывается, ещё в 1980-м данную гипотезу уже высказывала историк Рэй Тэннэхилл (Reay Tannahill) в своей работе "Секс в истории" (переведена на русский в 1995-м), где она исходила из того, что древние люди долгое время сохраняли неупорядоченные сексуальные связи (промискуитет), а потому отцовство в таких условиях открыть было крайне трудно. Тэннэхилл писала: *"Во времена палеолита беременность была естественным состоянием женщины, поэтому не возникало поводов интересоваться тем, как она возникает. В этом отношении женщины были очень похожи на самок животных. Роль мужчины в процессе производства потомства было нелегко осознать в эпоху палеолита, когда половые связи были достаточно беспорядочными, а беременность являлась обычным состоянием женщины"* (с. 38).

"Если открытие было ускорено какими-то внешними

стимулами, то, скорее всего, это связано с развитием скотоводства. Люди одомашнили коз и овец, и первые скотоводы вскоре обнаружили, что овцы, отделенные от баранов, не ягнятся и не дают молока. А если в стадо добавляли одного-двух баранов, происходили разительные изменения. Впервые за всю историю человек получил возможность наблюдать конкретных, одних и тех же животных изо дня в день, круглый год, и он вряд ли мог не заметить, что время от сношения овцы с бараном до рождения ягненка всегда приблизительно одинаковое" (с. 42).

Переход к скотоводству как основание для открытия отцовства – очень интересная гипотеза. Но есть ли ещё какие-то свидетельства или намёки в её пользу? Есть, и немало. В частности, именно на заре скотоводства возникает неожиданный символ плодородия – бык.

На Кавказе по древней традиции во время свадебного обряда жених вступал в сексуальную связь с невестой на шкуре быка, и даже в конце XX века ввод невесты в дом жениха также проходил по шкуре быка, положенной перед входом (Чеснов, 1998, с. 302). Для древних мифов Европы и Ближнего Востока характерны сюжеты о соединении быка с женщиной – достаточно вспомнить Зевса, превратившегося в быка, и похитившего Европу, или царицу Пасифаю, зачавшую от быка и родившую Минотавра, или шумерскую богиню Нингаль с её мужем богом луны Сином (Нанна), которого изображали в виде быка. *"Бык сопровождает женщину в*

языческих верованиях, в том числе и у восточных славян. У последних бык служит воплощением божества плодородия Рода" (Чеснов, с. 303).

"Обычно бык в мифе олицетворяет собой – так было и в Египте, и в Месопотамии – всепобеждающее мужское начало" (Вардиман, 1990, с. 33).

Причём важно сделать одно наблюдение. Очень похоже, что бык как символ плодородия изначально никак не связывался с мужской способностью к зачатию. Во всех названных символах бык предстаёт самодостаточным героем: он не заменяет мужчину – он просто как бы сам по себе. Кавказец, взаимодействующий с невестой посредством бычьей шкуры, особенно ярко наводит на мысль, что мужчина лишь хотел приобщиться к таинственной порождающей силе быка, которой у него самого не было. То есть весьма вероятно, что бык в какой-то момент был осмыслен как уникальное в природе явление – не самки рожали сами по себе, но именно при его участии. Тогда как у всех других животных самки единолично отвечали за этот процесс. В этом плане бык действительно имел все основания мыслиться божеством плодородия. При этом мужчине эти "плодородные" свойства ещё не были приписаны, они просто ещё не были поняты, перенесены на него. Созвучна кавказскому взаимодействию со шкурой быка и древняя традиция поедания бычьих яиц: *"полагали, что данный сакральный акт обеспечивал обильный приток жизненных сил и плодородия людей"* (Бурнаков, 2017). По-

едание бычьих (а потом и бараньих) тестикул также могло родиться из поверья, что "плодотворная сила" быка перейдёт мужчине.

Таким образом, даже древний культ плодородия, вьющийся вокруг быка, – это ещё не свидетельство открытия отцовства у человека, но уже шаг к нему, значительно облегчающий следующий. Дальнейшее понимание, что не только у скота, но и у людей именно секс ведёт к зачатию, вероятно, в итоге и привело к последующему исчезновению культа быка.

Существует мнение, будто бык символизировал плодородие уже 8 тысяч лет назад, в 6 тысячелетии до н.э. (Чатал-Хююк), но это кажется сомнительным хотя бы потому, что крупный рогатый скот в этой культуре был ещё слабо представлен, а культу быка в ту эпоху есть другое вполне убедительное объяснение – он был символом смерти и Нижнего мира (Вырицков, 2015). Знаменитый археолог Клаус Шмидт также считал, что ритуальной сферой Чатал-Хююка был "прежде всего, культ мёртвых" (Шмидт, 2011, с. 136). К тому же в Чатал-Хююке имелась и фигурка Богини-Матери, имеющей все черты "палеолитических венер", и если исходить из гипотезы, что эти самые "венеры", изображая женщину в беременном состоянии, демонстрировали священное благоговение древнего человека перед порождающей функцией женщины, которая оставалась ими непонятой, то можно допустить, что в тот период женщина

действительно продолжала оставаться единственным символом плодородия. То есть в 6 тысячелетии до н.э. оплодотворяющая роль быка вполне ещё могла оставаться неизвестной.

Гипотезе о связи скотоводства с открытием отцовства можно возразить: как известно, свиноводством занимаются многие племена островов Океании (включая тех же тробрианцев), но при этом представления об отцовстве у них по-прежнему туманные. Это так, но есть и одно "но". В науке установлено, что древнейшей формой ведения скотоводства был вольный выпас (Шнирельман, 1980, с. 233) – то есть животных просто выпускали на открытое пространство (в поле, в горы и т.д.), где те свободно перемещались и кормились. При этом для вольного выпаса характерна одна черта: неподконтрольные спаривания с местными дикими особями своего же вида (там же, с. 148, 233). Таким образом, спаривания, да и весь процесс размножения при вольном выпасе в целом остаётся независимым от человека, а значит, и не способствует осознанию связи между сексом и зачатием. У тех племён Океании, где практикуется свиноводство, оно осуществляется именно вольным выпасом, а потому представления о зачатии по-прежнему сохраняют самые диковинные черты.

Оптимальные условия для открытия связи между спариванием и оплодотворением могли сложиться в условиях стойлового скотоводства – когда одно или несколько животных содержатся в стойле, где и происходит процесс кормле-

ния. Развитие стойлового скотоводства оказывается возможным только в условиях развитого земледелия, которое позволяет выращивать достаточные объёмы растительного корма (фуража) для скота. Древнейшее стойловое содержание скота известно в Шумере (рубеж 4-3 тысячелетий до н. э.), в Египте и в Иране стойла для крупного рогатого скота имелись в конце 3-2 тысячелетия до н. э. (Шнирельман, с. 234). Резонно предположить, что раз речь идёт только об обнаруженных археологами стойлах, то в целом стойловое скотоводство возникло раньше 4-го тысячелетия до н.э., но насколько раньше – на одну или две тысячи лет – сказать нельзя. Но если именно в стойловом содержании скота видеть идеальную возможность для открытия связи между спариванием и зачатием, то, выходит, культ быка-оплодотворителя зародился не раньше 5-6 тысячелетия до н.э., и только затем, чуть позже, эта же связь могла быть осознана и по отношению к человеку. То есть к 4 тысячелетию до нашей эры отцовство вполне уже могло быть известно народам Передней Азии и Северной Африки.

Впрочем, не исключено, что оплодотворяющая функция быка как-то могла быть открыта и при вольном выпасе, в таком случае дату открытия отцовства можно сместить ещё на одну-две тысячи лет назад (5-6 тысяч лет до н.э.). Не зря ведь ещё в XIX веке лингвист Франц Бопп предположил, что индоевропейский термин "ph₂tér" (из которого позже, как мы знаем, и вырос "отец") обозначал пастуха, и сейчас действи-

тельно общепринято, что корень *ра означал "пасти", "защищать скот" (Миланова, с. 72).

Как бы там ни было, а к каким переменам могло привести открытие отцовства? Как это могло сказаться на жизни людей или даже на социальном устройстве в целом?

И Бог потесняет Богиню

Широко известно, что на всё той же территории Ближнего Востока и современной Турции во время зарождения земледелия царит культ Великой Богини или Богини-Матери. Образы и статуэтки Богини обнаружены в великом множестве вплоть до средиземноморского Крита (минойская цивилизация, у которой даже подозревают матриархат – верховенство женщин в обществе). У многих народов указанного региона в исходных религиях обнаруживается главенство женского божества – так было изначально. Об этом культе написано много, поэтому углубляться в его детали здесь нет смысла.

Но точно так же широко известно, что со временем происходит некоторая трансформация, и фигуру Великой Богини с пантеона постепенно начинают смещать фигуры богов-мужчин (или же одного верховного бога-мужчины). Уже в шумеро-аккадской мифологии бог неба Ану носил головной убор (тиара) со множеством бычьих рогов.

Аналогичную тиару носил другой высший бог Энлиль. В западносемитской мифологии Угарита и Финикии символом верховного бога Илу (Эль), который заодно отвечал и за плодородие, также был бык. Позже ответственность за плодородие и символ быка перешли к его сыну Баал-Хададу, который также порой изображался с бычьими рогами.

Одним из почитаемых божеств Древнего Египта был небесный бык Апис, который, считалось, ежедневно оплодотворял Небесную Корову, богиню неба Нут (и так ежедневно рождалось солнце). Древнеегипетский жрец обращался к покойнику: *"Твой отец не среди людей, твоя мать не среди людей. Твой отец – это великая жертва: бык, твоя мать – юница: молодая корова!"* (Чеснов, 1991).

В Древней Индии бог неба Дьяус был олицетворён быком, "дающим жизнь". Считалось, что дождь – это его семя, оплодотворяющее землю. *"Отцовство Дьяуса – чуть ли не единственная его персонифицирующая черта; вместе с тем есть и зооморфные образы Дьяуса с подчёркнуто сексуальными мотивировками – бык-оплодотворитель [...] Образы отца-неба и матери-земли, порождающих всё во вселенной, имея многочисленные типологические параллели повсюду, в этом виде сложились в общеиндоевропейский период; имя Дьяуса-отца – Дьяус-питар находит точные соответствия (древнегреческий Зевс патер, латинский Юпитер, Диеспитер, умбрский Юпатер)"* (Топоров, 2011, с. 160).

Интересно, что реконструкции некоторых исследователей датируют эту трансформацию религиозных воззрений (смещение женских божеств мужскими) примерно тем самым временем, каким выше навскидку было датировано открытие отцовства, – то есть около 4 тысячелетия до нашей эры. Именно это время при анализе мифологий связано "с появлением фигуры Хозяина неба и мифом о сброшенной Небес-

ной Женщине" (Казанков, 2005). Этот же анализ показывает, что выработана эта новая идеология была в кругу пастушеских племён, что можно считать ещё одним условным совпадением с высказанной гипотезой об открытии отцовства. Дальше эта новая идеология была разнесена по всей Евразии и в первую очередь – на север (к финно-угорским народам) и на восток (в Китай).

*Широко распространено мнение (особенно среди сторонников марксизма и некоторых представителей феминизма), будто до перехода к земледелию мужчина и женщина были равноправны, и всё у них было хорошо. И только с земледелием вдруг возникает переизбыток выращиваемого продукта, который начинает накапливаться, и так рождается частная собственность, возникает класс имущих и класс неимущих, и вместе с этим якобы сильно понижается статус женщины, мужчина же становится главным. Но в реальности, как показывают исследования последних десятилетий, представления эти не совсем соответствуют действительности. Подробнее это раскрыто в книге "**Миф моногамии, семьи и мужчины**", а здесь лишь можно резюмировать следующие пункты:*

- 1. Мужское господство над женщиной обнаружено у многих современных племён охотников-собирателей, и множество косвенных данных указывают, что точно так же дело обстояло и в самой глубокой древности. То есть земледелие не является необходимым условием для*

такой ситуации.

2. Есть основания полагать, что переход к земледелию привёл как раз к росту статуса женщины, так как именно она руководила освоением земледелия в силу накопленных знаний в собирательстве. Вырос авторитет женщины.

3. Но подобный феномен имел в целом локальный характер, так как переход к земледелию в других регионах планеты (Восточная Азия, Южная Америка) не сопровождался сколь-нибудь заметным повышением женского статуса. Поэтому высокий статус женщины на Ближнем Востоке в эпоху раннего земледелия, сопровождающийся мифологией Великой Богини, был исключительным явлением для планеты. Исключительным и в целом довольно кратким.

Последующее снижение женского статуса на указанной территории связано именно с распространением скотоводства (Казанков, 2011). Уже довольно хорошо известно, что если в древности род отслеживался по матери (матрилинейность – поскольку феномен отцовства ещё не был известен), то именно с распространением скотоводства распространяется и счёт рода по мужской линии (патрилинейность). Многие исследователи отмечали, что там, где есть скот, почти всегда царит патрилинейность (известны лишь единичные племена-исключения). *"Корова – главный враг матрилинейности в Африке"*, говорят учёные (Казанков, 2017).

Важно заметить, что роль скота в установлении счёта род-

ства по мужской линии (как и мужского господства в целом) обычно принято видеть в том, что скотом, как правило, владеют и занимаются мужчины, на значительных территориях Евразии это сугубо мужское занятие. Якобы средоточие скота в мужских руках и приводит к мужскому господству. Но у этой позиции есть несколько смутных нюансов, одним из которых оказывается загадка, почему при зарождении скотоводства всё же возобладали идеология мужского господства, если земледелие (якобы повысившее статус женщин) никуда не делось, а во многих местах по-прежнему оставалось главным источником пропитания? То есть почему при столкновении земледелия и скотоводства верх одержала идеология именно последнего, хотя одна практика не устраняла другую, а только лишь дополняла?

Другим нюансом этой гипотезы оказывается то, что аксиома о соответствии трудового вклада уровню престижа (то есть чей труд приносит больше, того и статус выше) – в реальности не работает. Как известно, у многих современных охотников-собирателей женское собирательство приносит 50 и даже 90% всего пропитания, но при этом статус женщины часто всё равно оказывается ниже мужского. И даже более того, порой как раз занятия ежедневной добычей пропитания оказываются презренными. Всё то же самое описано и для русской деревни, где женская работа занимает в 7 раз больше времени, нежели мужская. Кстати, и корова у русских крестьян – это именно женская обязанность, но ста-

тус мужа всё равно выше. Как уже сказано, повышение статуса женщины с переходом к земледелию в Передней Азии является уникальным явлением, исключительным для всей мировой истории, и строить на её примере предположения о соответствии трудового вклада в повышение статуса – опрометчиво. Обо всём этом подробно написано в "**Мифе моногамии, семьи и мужчины**", здесь я лишь мельком обобщаю нюансы, показывающие сложности с гипотезой о влиянии скотоводства на мужское господство. В книге я показал, что господство ни в коем случае не выражается в изнурительном труде, а именно наоборот – в освобождении от труда. Господин – не работает. Проще говоря, руки, держащие власть, не могут трудиться. Как справедливо заметил Юваль Харари, в известных нам культурах тяжёлый физический труд оказывается уделом как раз подчинённых групп, а не главенствующих.

К тому же со скотоводством есть ещё одна брешь. Часть авторов склонна видеть причиной мужской природы скотоводства разницу в физической силе с женщиной – якобы с животными сложнее справляться. Хотя в пастушеском деле никакой особой физической силы не требуется. И более того, известно, что в тех культурах, где основой скотоводства является мелкий рогатый скот (козы, овцы), пастушеская сфера также монополизирована мужчинами – женщина в неё не допускается. Можно было бы допустить, что у женщин исторически обнаружилась какая-то неспособность управляться

с мелким скотом, но, разумеется, это не так. Ведь в тех культурах, где наравне с мелким скотом присутствует и крупный (быки, коровы или верблюды), женщины уже вполне допущены для управления с козами и овцами (Калиновская, с. 135), но по-прежнему не допускаются к крупному скоту. К тому же в периоды войн, когда мужчины надолго покидают селение, на женщин возлагается уход уже не только за мелким рогатым скотом, но даже и за крупным (там же, с. 141). Так что дело, конечно, совсем не в каком-то особом умении мужчин управляться со скотом, не в различиях физической силы с женщинами, а в чём-то совсем ином.

В "Мифе моногамии, семьи и мужчины" я объясняю причины этого: существует древняя тенденция, характерная для всех народов планеты, по которой мужчины выделяют какой-то род деятельности и объявляют его престижным или даже сакральным, и категорически закрывают к нему путь женщинам. Таким образом поддерживается древнее положение мужского господства, а женщина же признаётся аутсайдером, предназначением которого оказывается подчинение и служение мужчине. В книге я подробно раскрываю, как в древности могло сложиться такое положение вещей.

Здравствуй, папа

Таким образом, выдвигаемая здесь гипотеза о влиянии скотоводства на открытие отцовства альтернативна устоявшейся гипотезе о возросшем трудовом вкладе мужчины. Но эта новая гипотеза во многих смыслах удобнее, потому что проясняет сразу несколько дополнительных нюансов. Во-первых, объясняет собственно открытие отцовства; во-вторых, объясняет, как в мифологиях указанного региона появился образ быка, связанного с плодородием, вытесняя прежде за это отвечавшую Великую Богиню; но самое главное, и это в-третьих, показывает, какие революционные перемены в ходе этого случились в головах людей и в их мировоззрении. До этого момента тысячелетиями (сотнями тысяч лет и даже миллионами) считалось, что женщина просто рождает сама по себе, и это выглядело как пусть и необъяснимое, но всё же некое неотъемлемое её природное свойство, что непременно создавало ореол таинственности вокруг женщины, её мистичности. Способность порождать жизнь сближала женщину с самой землёй, из которой также рождалось всё видимое, в этом взгляде на плодородие они тождественны. Возможно, знаменитые "палеолитические вены", изображавшие женщину с очевидными признаками беременности, и были свидетельством изумления

древнего человека перед этой женской способностью. Именно женской – мужчина к нему ещё никакого отношения не имел. Но вот в мировоззрение человека вторгается сразу же ставший мистическим бык с его способностью к оплодотворению, которая поначалу казалась уникальной для мира животных. Бык так изумляет, что очень быстро вскарабкивается на небо и начинает теснить с пантеона уже привычную Богиню-Мать. Отныне и земля родит не сама по себе, а только после её оплодотворения Небесным Быком в виде дождя. И самый же коренной перелом в мировоззрении человека наступает именно с осознанием, что бык совсем не уникален в своей оплодотворяющей функции, а мужчина тоже ею обладает. Тогда все "небесные быки" разом превращаются в полчища богов-мужчин или даже в единого Бога-Отца – создателя всего сущего. Всё это действительно случилось недавно. И причиной этому могло послужить именно открытие феномена отцовства.

Миллионолетняя загадка Женщины-Прародительницы становится разрушенной. Женщина в один миг оказывается низвергнутой: как с божественных пантеонов, так и в социальной жизни. Уже в 2300-е годы до н.э. шумеры знали, что ещё недавно их женщины занимали более высокое социальное положение. Шумерский царь Урукагина признавал: *"В прошлые времена женщины имели у нас обычай брать себе многих мужей; женщина, которая отважится сделать то же сегодня, побивается камнями"* (Вардиман, 1990, с. 19).

Открытие отцовства произвело колоссальные перемены в психологии людей, оно мгновенно повысило статус мужчин и низвело женщину до статуса пустого сосуда, который мужчина наполняет своим семенем, и где оно растёт, развиваясь в ребёнка. Такие взгляды действительно возникли: женщина перестала восприниматься как главный элемент в процессе рождения, более важным элементом стал считаться мужчина. Отголоски этого взгляда запечатлены в строках драматурга Эсхила:

Дитя родит отнюдь не та, что матерью зовётся.

Нет, ей лишь вскормить посев дано.

Родит отец!

А мать, как дар от гостя, плод хранит.

Это 458 год до нашей эры. Сам же этот взгляд, конечно, возник гораздо раньше. Позже и сам Аристотель свидетельствовал о таком понимании вещей (это уже 384-322 гг. до н.э.). Логика была на удивление проста: "Семя, то есть отец, даёт характеристики порождаемому. Мать его питает [...]. Можно ли ставить их на один уровень? Аристотель очень ясно говорит об этом. Мужчина и женщина участвуют в рождении ребенка, как плотник и дерево – в создании мебели. Отец вносит активный вклад, женщина пассивный. Порождённый будет обладать характером того, кто придал ему форму, вклад матери незаметен. Тот, кто порождён, – ребёнок отца, потому что будет расти в

соответствии с генетическим отпечатком семени; он не ребёнок матери, потому что в простом сырье нет генетических характеристик" (Зойя, 2017).

Давно было отмечено, что "легенда о Зевсе, родившем Афины из головы, отражает идею об утверждении отцовского права" (Пропп, с. 66).

Как известно, древние греки были активными колонизаторами и основали много городов в Средиземноморье и Причерноморье, но некоторые исследователи указывают, что участниками всех этих экспедиций были только мужчины. Как же они плодились в новых местах? Считается, что греки просто брали себе в жёны местных женщин. Учитывая сложившиеся новые взгляды на участие мужчины в зачатии, *"чтобы сохранить кровь родины, достаточно было мужчин. Женщина была заменяемой, потому что мать и ребёнок не были кровными родственниками. Она во время беременности вынашивала зародыш, но не имело значения, гречанка она или варвар, как и все равно было, кормить ребенка коровьим молоком или овечьим"* (там же).

Сходное представление, будто ребёнок вырастает именно из мужского семени, а женщина же оказывается просто контейнером для его выращивания, отмечено даже в 1980-е в некоторых абхазских селениях (Чеснов, 1991). Как известно, древние греки плотно контактировали с народами Кавказа (легенда о золотом руне связана с Колхидой – частью её территории как раз была современная Абхазия).

Это своеобразное представление за несколько тысячелетий распространяется по значительной части древнего мира: *"от Индии ("женщина – это поле, мужчина – это семя"; "между семенем и чревом говорят, что важнее первое, потому что семя даёт характер потомству") до Египта ("египтяне... придерживаются идеи, согласно которой один лишь отец творит потомство, а мать только дает плоду питание и место, где жить, и называют плодоносящим растением отца и бесплодным – мать")*. Опираясь на авторитет Аристотеля, миф об исключительно отцовском порождении широко распространился в Европе, сохранялся до Средних веков, и отчасти выжил до начала эпохи Просвещения" (Зойя, 2017).

Но не стоит и абсолютизировать новое понимание отцовства в Античности – даже на одной территории его могли разделять не все, либо же он вполне мог эклектично сочетаться с древними представлениями об исключительной роли женщины в порождении детей. К примеру, для того же Средневековья (а кое-где и сейчас) был характерен взгляд на бесплодие в паре исключительно как на бесплодие женщины: если у пары долго не было детей, то бесплодной фактически всегда признавалась именно она, будто ей и приписана возможность самостоятельного зачатия. Мужчина будто бы не мог быть бесплодным.

Да и взгляды Аристотеля на роль мужчины в зачатии совсем не обязательно должны были разделять и все остальные

массы. Если даже люди уже и понимали, что зачатие происходит с помощью мужчины, всё же окончательный результат мог видеться вполне зависящим от дополнительных факторов. Некоторые авторы отмечают, что *"в античной Греции беременным женщинам советовали любоваться статуями идеалов мужской красоты Кастора и Полидевка. Считалось, что благодаря этому дети будут рождаться и вырастать такими же статными. А в дни возможного зачатия гречанки избегали смотреть на обезьян, опасаясь родить анацефала – младенца с уродством, делающим его голову похожей на обезьянью. Если же в античные времена у белой пары рождался темнокожий ребенок и женщина объясняла, что во время беременности рассматривала рисунки с темнокожими, такое объяснение могло сойти за достаточное и убедительное"* (Талантов, 2019, с. 22).

В эти времена женщина уже снова тотально угнетена и заперта дома, а о Великой Богине никто уже и не вспоминает. Открыв свою роль в порождении жизни, мужчина не только десакрализовал женщину, но и сам вознёсся до небес, стал господином положения. И по его образу отныне создан господь бог – Бог-отец. Такой мощной была эта трансформация психологии в новых условиях.

"Мужчина, вступивший из эпохи неолита в исторический период, обладал такой уверенностью в себе, такими амбициями и авторитетом, которые не могли быть основаны лишь на его полезности в обществе и на сознании хорошо

выполненной работы; они основывались на некоем ослепительном откровении, не терпящем вопросов и обсуждений, – такого рода откровение впоследствии испытают пророки Ветхого Завета и святые Нового Завета. Может быть, открыв свою решающую роль в той области, где ценность мужщины всегда отрицалась, они (очень по-человечески) отреагировали на это с гипертрофированным энтузиазмом?" (Тэннэхилл, с. 43).

Заключение

Предложенная гипотеза об открытии отцовства лишь со становлением скотоводства очень любопытна, но это всего лишь гипотеза. Как всё обстояло в действительности, вряд ли мы когда-нибудь уже узнаем точно. И всё же может возникнуть резонный вопрос: так если в древности феномен отцовства не был известен, как же тогда возник брак? Как возник союз мужчины и женщины? И главное, зачем? Да, брак действительно гораздо древнее феномена отцовства (скорее всего, ему не одна сотня тысяч лет), и он есть уже у тех племён охотников-собирателей, которые о зачатии ничего не знают. Таким образом, кардинально заблуждаются те антропологи и эволюционные психологи, которые убеждены, что брак (моногамия) возник ещё на самой заре человеческого прямохождения – ещё у австралопитеков или даже у ардипитеков (гипотеза Оуэна Лавджоя), потому что якобы уже тогда протомужчина *"хотел, чтобы эта самка рожала только от него"*.

Так как же тогда в древности зародился брак? В чём была причина?

А вот этому вопросу всецело посвящена моя книга **"Миф моногамии, семьи и мужчины: как рождалось мужское господство"**. Из названия можно понять, что речь в

ней идёт не только о древних причинах создания брака, но и о столь же древних причинах рождения мужского господства над женщиной. Да, всё это случилось задолго до освоения скотоводства и по совершенно иным причинам. Если же кратко, то можно сказать, что **брак – древний механизм подчинения женщины.**

Но это уже совсем другая история))) Хотя и ещё более интересная, чем открытие отцовства.

* * *

P.S. Ищете также другие книги автора:

Соболев П. Ю. "Миф моногамии, семьи и мужчины: как рождалось мужское господство". Науке до сих пор неизвестна природа брака. Существующие гипотезы о происхождении союза мужчины и женщины имеют много слабых мест, и в этом плане на фоне прочих приматов человек продолжает оставаться уникальной обезьяной. С опорой на обширные научные данные в книге предложен новый взгляд и утверждается, что доисторическое рождение брака было обусловлено не какими-то биологическими факторами (гипотеза достоверного отцовства) или экономическими (передача имущества по наследству), а идеологическими: брак стал следствием однажды возникшего мужского господства и был призван это господство укрепить. Брак – древний механизм подчинения женщины.

Помимо этого в работе на основании многочисленных исследовательских данных вскрыты отрицательные аспекты таких, казалось бы, считающихся сейчас традиционными и значимыми явлений, как моногамный брак, нуклеарная семья и рождение детей – все эти явления, помимо возможных плюсов, содержат в себе и неперенные отрицательные влияния на психику человека.

Соболев П. Ю. "Мифы об инстинктах человека". В работе развеяны многие, в обывательской среде успевшие стать бесспорными, мифы о врождённых аспектах человеческой психики и поведения. На множественных примерах из зоопсихологии и психологии будет показано, что поведение человека (и даже всех высших обезьян) в корне отличается от поведения прочих животных видов и формируется в ходе опыта, а не задано генетически. Основная дискуссия развернётся со сторонниками социобиологии и эволюционной психологии, критике будут подвергнуты не только работы авторов-популистов как Дольник и Новосёлов, но и именитых учёных-антропологов и биологов (как М. Л. Бутовская и А. В. Марков).

Соболев П. Ю. "Бессознательное: мифы и реальность". Для большинства людей феномен бессознательного (или подсознания) плотно связан с работами Фрейда и других психоаналитиков. Но в силу неоднозначного статуса пси-

хоанализа в современном мире возникает и столь же неоднозначное отношение к самому бессознательному, то порождая фантастические его интерпретации в духе невиданных сил Вселенной, то вовсе отрицая его существование. Мало кому известно, что бессознательное активно изучалось и средствами академической науки и полученных данных достаточно, чтобы развеять или подтвердить многие бытующие мифы.

Литература

Бурнаков В.А. Бык как символ плодородия в традиционной культуре хакасов (конец XIX – середина XX вв.) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований, 2017, № 4 (18), с. 64-75.

Вардиман Е. Женщина в древнем мире. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990.

Выршиков Е.Г. Культ быка в культуре Чатал-Хююк // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практики. Сборник научных статей. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2015, с. 28-35.

Гижицкий К. Письма с Соломоновых островов. – М.: Наука, 1974.

Зверев В.А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861-1917 гг.). – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993.

Калиновская К.П. Гендерный аспект системы разделения труда у скотоводов Восточной Африки // Мужчина и женщина. Диалог или соперничество? Книга I – М., 2004.

Казанков А.А. How Ishtar Caused the Flood // Мужчина и женщина. Книга 1. Диалог или соперничество? М.: Институт Африки РАН, 2005.

Казанков А.А. Гендер в мифологии: приключения Лун-

ного зайца // Мужчина и женщина. Книга 3. Поиск идентичности. М.: Институт Африки РАН. 2011.

Казанков А.А. Тысячеликая мать. Этюды о матрилинейности и женских образах в мифологии. – СПб.: Нестор-История, 2017.

Кулланда С.В. Системы терминов родства и праязыковые реконструкции. – Алгебра родства. Системы терминов родства, вып. 2, СПб, 1998, сс. 47-75.

Малиновский Б. Секс и вытеснение в обществе дикарей. – М.: Изд. дом Гос. ун-та ВШЭ, 2011.

Микитенко Н.Ю. Индоевропейские истоки терминов родства и системы брачных отношений в славянской культурно-языковой традиции // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. Вып. 14.

Миланова В.В. Праиндоевропейские термины родства на *-ter и возрастные степени // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства – СПб.: РАН, 2018. Вып. 16.

Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001.

Пропп В.Я. Мотив чудесного рождения // Сказка. Эпос. Песня. – М.: Лабиринт, 2001.

Рафси Д. Луна и радуга – М.: Наука, 1978.

Талантов П. 0,05. Доказательная медицина от магии до

поисков бессмертия. – М.: Corpus, 2019.

Токарев С.А. Мифы народов мира, 2-е изд., Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1987.

Топоров В.Н. Мифология, Статьи для мифологических энциклопедий, Том 1. – М.: Языки славянских культур, 2011.

Тэннэхилл Р. Секс в истории. – М.: Крон-пресс, 1995.

Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 2: Гл. XL-LXIX – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.

Хрисанфова Е.Н. Антропология: учебник, 4-е изд. – М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005.

Чеснов Я.В. Мужское и женское начала в рождении ребенка по представлениям абхазо-адыгских народов // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб., 1991. с.132-158.

Чеснов Я.В. Лекции по исторической этнологии. – М.: Гардарика, 1998.

Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе – СПб.: Алетейя, 2011.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). – М.: "Наука", 1980.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения – М.: Ладомир, 1999.

Mosko, M. (2005). Sex, Procreation and Menstruation: North Mekeo and the Trobriands // A Polymath Anthropologist: Essays

in Honour of Ann Chowning, University of Auckland, Auckland,
pp. 55-61.

Walker, R.S., Flinn, M.V. and Hill, K.R. (2010).
Evolutionary History of Partible Paternity in South America //
PNAS, october 2010.